

А.Н. Морозова
(Россия, Самара)

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И КАК ЕДИНИЦА МЕТАЯЗЫКА

В лингвистических исследованиях последних лет термин «дискурс» используется как метаязыковое обозначение различных объектов изучения речевых произведений и / или научного подхода, направленного на изучение речевой деятельности в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов. В статье делается попытка оценить эту ситуацию с методологических позиций.

Ключевые слова: дискурс, речь, методология

В метаязыке отечественного языкознания термин «дискурс» стал чрезвычайно популярным. Широкое и повсеместное использование этого термина может стать поводом для обсуждения вопроса о результативности проводимых в последние годы исследований дискурса, в частности, о том насколько само понятие обогатило наши представления о языке и речевой деятельности. Одним из аспектов этой проблематики является рассмотрение «дискурса» как терминологической единицы с позиции методологии изучения языка и речи.

В этой связи интересно, на наш взгляд, обратиться к контекстам употребления термина в названиях диссертационных исследований последних лет. Достаточно частотные словосочетания «английский дискурс», «англоязычный дискурс» свидетельствуют о том, что многие авторы трактуют «дискурс» как абсолютный синоним термина «речь». В названиях многих работ фигурируют фразы, свидетельствующие о том, что «дискурс» равнозначен терминам «текст», «функциональный стиль», «жанр»: дискурс интервью / телеинтервью; поэтический / художественный / научно-популярный / военный / юмористический / учебный деловой (и пр.) дискурс. Говоря о терминологической синонимии, мы имеем ввиду тот факт, что замена «традици-

онных» для отечественного языкознания терминов на англоязычный не всегда оправдана объектом, предметом, материалом, методами и процедурой исследования. Данный термин используется не только в отношении функционально-стилистических, но и функционально-смысловых типов речи, т.е. способа изложения, например: «аргументативный дискурс в сфере политической полемики» (в противовес нарративному типу дискурса). Включаемые в названия диссертаций фразы «компьютерный дискурс», «профессиональный компьютерный дискурс», очевидно, свидетельствуют о том, что тип дискурса выделяется на основе канала распространения информации.

Мы намеренно не делаем ссылки на источники, поскольку, во-первых, перечень контекстов, в которых фигурирует слово «дискурс» – не только обширный, но и открытый список, достоверность которого легко проверить. Во-вторых, негативная оценка касается лишь целесообразности использования иноязычного слова для именованя языковых феноменов, которые в русском языке имеют вполне определенный терминологический статус (язык, функциональный стиль, жанр и пр.), но не актуальности, новизны и значимости проведенных исследований.

В работах, связанных с изучением речевой коммуникации в сфере политики, введение понятия «дискурс» оказалось вполне оправданным тем, что здесь текстовый массив, как правило, исследуется в соответствии с учетом экстралингвистических факторов (личность говорящего, адресат речевого акта, цель сообщения, контекст и ситуация общения) [Эпштейн 2010], коммуникативных стратегий и тактик, позволяющих описать коммуникацию в событийном аспекте [Левенкова 2011]. Однако, понимание того, что только рассмотрение этих факторов оправдывает введение термина в метаязык исследования, прослеживается далеко не всегда.

Вопрос о многозначности термина «дискурс» неоднократно рассматривался в трудах авторитетных ученых, составивших перечень значений этой метаязыковой единицы [Серио 1999: 26-27], систематизировавших эти значения в терминах формальной, функциональной, ситуативной интерпретации [Макаров 1998: 68-75]. Сопос-

тавление различных трактовок термина предлагается уже и в учебной литературе [Актуальные проблемы современной лингвистики 2009: 107-112]. Многозначность свойственна большинству лингвистических терминов; в сфере терминологии полисемия – явление естественное, неизбежное и, более того, привычное для лингвистов. Однако существует принципиальное различие между использованием одного слова для именованя разных языковых единиц и тем, что разные смыслы получает слово, призванное отразить суть научного подхода. Здесь возможна ситуация, когда употребление метаязыковых единиц связано с различиями в методологии.

Д. Кристал так определил понятие *discourse analysis*: «The systematic study of stretches of language, whether in speech or writing, to discover the regularities which govern them». Суть данного подхода ученый раскрывает, противопоставляя его тому, который обозначается как «*conversation analysis*» (*real-life conversation*) [Cambridge Encyclopedia 1994: 347]. В традициях отечественного языкознания словосочетанию *stretches of language* соответствует, скорее, термин «произведение речи», но не «языковой отрезок». Обратим внимание также на фразу «*whether in speech or writing*», наглядно демонстрирующую тот факт, что термин «речь» относится лишь к одной из форм существования языка – устной, и здесь терминологическое (и методологическое) расхождение между различными традициями в изучении языка и речи также принципиально.

В традициях отечественного языкознания речь – материальная основа и форма существования языка – понимается как процесс, развивающийся во времени, как нечто создаваемое человеком в конкретных условиях общения, «поток неисчислимых и неограниченно разнообразных актов речи, т.е. отрезков речи, имеющих определенную целевую направленность» [Смирницкий 1956: 12]. В этой связи кажутся несколько странными отдельные, относящиеся к понятию дискурса, замечания. Так, в кандидатских диссертациях часто цитируется высказывание, в котором дискурс определяется как «речь, “погруженная в жизнь”». При всей образности этой фразы, и с учетом того, что авторской метафоре предшествует разъяснение, что под дискур-

сом подразумевается речь как целенаправленное социальное действие, рассматриваемое с учетом прагматических, социокультурных, психологических и др. факторов, цитируемое высказывание позволяет допустить существование речи, оторванной от жизни, не связанной с человеческой деятельностью. Вызывает недоумение фраза «коммуникативно-прагматический аспект дискурса» [Арутюнова 1990: 137]: дискурс по определению обращен к прагматической ситуации. Другим примером может быть суждение о том, что дискурс это «*текущая* речевая деятельность... и возникающие в результате этой деятельности речевые произведения» [Шейгал 2004: 11] (курсив наш – А.Н.). Речевая деятельность по определению процессуальна, а использование слова «текущая» предполагает существование некоего статичного, «мертвого» вида речи.

Возможно, здесь мы вновь сталкиваемся с недостаточно последовательным разграничением объекта исследования (языка) и научного подхода, предполагающего рассмотрение объекта как реальности, существующей в речи и через речь, а значит, реализуемой в определенном (и очень важном) виде человеческой деятельности, в деятельности, которая не может быть в полной мере раскрыта без учета социально-культурных, психологических, индивидуально-личностных и прочих экстралингвистических аспектов речевого акта и его участников.

В зарубежной лингвистике введение понятия *discourse analyses* было вызвано неудовлетворенностью тем положением дел, которое возникло в результате засилья формально-логических методов изучения языка. Речь как способ существования языка оставалась вне поля зрения, и лингвистическая мысль ушла в сторону логики и философии, подменив описание речевой действительности созданием абстрактных схем, математических формул, дедуктивных умозаключений. Если в отношении зарубежной – прежде всего, американской – лингвистики можно было говорить о резком изменении стратегического курса, то для отечественной науки вопрос состоит в развитии давно уже сформулированных теоретических положений.

Трактовка речи как определенного вида деятельности впервые была предложена именно в нашей стране, в 1920-х – 30-х годах про-

шлого столетия [Леонтьев 1969: 25]. Конечно, сейчас ставятся новые задачи – раскрыть модель речевой деятельности человека; понять, что определяет форму и содержание высказывания в конкретной ситуации его осуществления; изучить разнообразные факторы, управляющие речевым процессом, функционально-прагматические модификации речи, закономерности соотношения речевого действия и общепсихологических характеристик деятельности, влияние личностных особенностей на речевую деятельность, индивидуальные стратегии речевого действия. Однако для плодотворного решения этих, новых, задач требуется глубокое осмысление сути дискурсивного анализа и внимание к избираемой терминологии. В противном случае «дискурс» останется лишь «модным» вариантом давно известных и не менее важных для изучения речи терминов-понятий, таких как текст, речевое произведение, функциональный стиль, жанр и пр. Либо же возникнет ситуация, когда включение в сферу исследования социопсихологических характеристик высказывания, данных антропологии, этнографии и других смежных с лингвистикой дисциплин приведет к тому, что с одной стороны, в центре внимания находится конкретное высказывание, соотнесенное с его функциональными характеристиками, принадлежностью к той или иной форме речи, социальными и личностными условиями общения, а, с другой стороны, собственно языковой аспект речевой коммуникации остается на периферии исследования вследствие использования тех методов, от которых и отказались лингвисты в пользу нового подхода к изучению языка.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие / сост. Л.Н. Чурилина. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С.136-137.
3. Левенкова Е.Р. Конвергентные и дивергентные тенденции в политическом дискурсе Великобритании и США. автореф. дисс. ... доктора филол. наук / Е.Р. Левенкова. – Самара, 2011. – 41 с.

4. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 212 с.
5. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1998. – 420 с.
6. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. – М.: Прогресс, 1999. – С.26-27.
7. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1956. – 159 с.
8. Смирницкий А.И. Объективность существования языка / А.И. Смирницкий // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия / Сост. Березин Ф.М. – М.: Высш. школа, 1981. – С. 64-71.
9. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 368 с.
10. Эпштейн О.В. Прагмалингвистические особенности менасивного речевого акта в политическом дискурсе (на материале английского языка): дисс.... канд. филол. наук / О.В.Эпштейн. – Самара, 2010. – 209 с.
11. Cambridge Encyclopedia / edited by David Crystal. – 2nd ed. – Cambridge University Press, 1994. – 1356 p.

A.N. Morozova
(Russia, Samara)

DISCOURSE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC ANALYSES AND A UNIT OF METALANGUAGE

The term discourse nowadays is used both as a metalinguistic expression of various objects of speech analyses and as an approach aimed at describing speech events in terms of linguistic and extralinguistic factors of communication. Different uses of the term are discussed in the paper from methodological viewpoint.

Keywords: *discourse, speech, methodology*